

Снаружи небо ещё было тёмным. Чжоу Цинцин зажгла лампу и пошла на кухню хлопотать с завтраком. Цинь Сань-нян и Чжоу Гуй помогали выносить приданое из главной комнаты. Приданого было всего три сундука: один с одеждой, один с одеялами, один с вещами, несущими свадебную радость. Ещё были маньтоу, булочки, лепёшки, овощи и мясо, сложенные в корзины, чтобы потом перенести их на коромысле.

Тетя Лю и Чжоу Чуся стояли у двери. Едва Чжоу Сяолэ открыл, они тут же снова втолкнули его в комнату и заодно закрыли дверь. Тетя Лю держала таз с водой, Чжоу Чуся - вещи для умывания и очищения лица. Они жестом велели Чжоу Сяолэ сесть у края кровати и приготовились умывать его и приводить лицо в порядок.

— Подождите, подождите, — Чжоу Сяолэ перехватил руку Чжоу Чуся, которая уже тянулась к нему, и поспешно сказал: — Может, сначала дадите мне сходить в нужник?

— Иди. Как раз я схожу к Цин-цзээр за лампой, в комнате слишком темно.

В этой комнате не было стола, и тетя Лю поставила таз прямо на пол, махнув рукой, чтобы Чжоу Сяолэ шёл.

Чжоу Сяолэ вернулся из отхожего места, только вымыл руки, как Чжоу Чуся тут же снова затащил его обратно. Всё равно не сбежать, и Чжоу Сяолэ послушно сел у края кровати, позволяя им возиться с ним. Чжоу Сяолэ был гэрмом, поэтому очищение лица было лишь соблюдением обряда; на деле с ним не поступали так, как с девушкой перед замужеством, которой нитью выщипывают пушок на лице.

Тетя Лю сначала помогла Чжоу Сяолэ умыться тканевым полотенцем, затем достала маленькую коробочку с румянами и поставила ему на мочке уха крошечную красную точку. Вместе с красной родинкой с другой стороны, которая обозначала его принадлежность к гэрмам, получилось по одной с каждой стороны, словно он надел две маленькие серёжки-гвоздики.

Чжоу Чуся тем временем стоял коленями на кровати и помогал Чжоу Сяолэ уложить волосы в пучок. Он проводил гребнем, а тетя Лю в тон произносила одно благопожелание. Волосы разделили на две части: верхнюю половину аккуратно зачесали и собрали в пучок, нижняя свободно рассыпалась по спине, а в конце вкололи ту самую заколку с волнами.

Готово!

После очищения лица, укладки волос и переодевания в свадебную одежду Чжоу Сяолэ остался ждать в комнате. Он думал, что ждать придётся очень долго, но не ожидал: он только-только успел переодеться, как снаружи отдалённый треск хлопучек, приближаясь всё ближе и ближе, докатился до двора. Свадебная процессия уже подошла к воротам.

— Да не может быть... час Мао ещё не прошёл.

Чжоу Сяолэ тайком приподнял уголок окна и, прищурившись, стал смотреть, что происходит снаружи. Он увидел Сюй Гуаня в красной свадебной одежде верхом на лошади; за ним шли несколько человек, стуча и гремя на инструментах. А если присмотреться внимательнее, разве эти люди, что шумели позади, не были теми самими, кто приходил вместе с ним в день вручения свадебных даров?

Один - сын старосты, Чжоу Шунь, другой - сын тётки Цзи, Чжоу Тунцай, а ещё была сваха, тётка Цзи.

Когда Сюй Гуань спешил и вошёл во двор, Чжоу Сяолэ наконец разглядел его лицо. Сюй Гуань был очень белокож, в этом не было сомнений. Прежде он всё время носил короткую рабочую одежду, большей частью тёмных и серых цветов; пусть и тогда было видно, что внешностью он хорош, но это всё равно не могло сравниться с тем впечатлением, которое он производил сейчас, в красном свадебном наряде.

Он не был человеком ярким и броским. В обычные дни в обращении с людьми он по большей части выглядел осторожным, даже немного чрезмерно осторожным. А теперь этот сдержанный, мягкий человек был одет в нарядно-яркий алый длинный халат. Это было словно в глухой, приглушённый бой барабана вдруг вплёлся чистый звон ветряного колокольчика, заставив сердце невольно дрогнуть.

Чжоу Сяолэ тихо пробормотал:

— Чёрт... красота и правда сбивает людей с пути...

В этот момент Сюй Гуань, который как раз разговаривал с Чжоу Цинцин, вдруг вполборота повернулся и посмотрел в сторону комнаты Чжоу Сяолэ. Его взгляд как раз встретился с парой глаз, выглядывавших из оконной щели.

Едва они встретились взглядами, окно шевельнулось и закрылось.

Сюй Гуань вдруг слегка улыбнулся. Он снова поклонился Чжоу Цинцин и сказал:

— Прошу сестру спокойно доверить мне Лэ-гэра. Я не подведу его.

Чжоу Цинцин кивнула:

— Хорошо, хорошо, хорошо. Вы обязательно должны хорошо жить вместе!

Тётка Цзи увидела, что Чжоу Цинцин будто вот-вот расплачется, и поспешно вышла вперёд с улыбкой:

— Сегодня ведь день великой радости, Цин-цзээр нельзя ронять жемчужинки. По мне, Сюй Гуань - достойный человек, так что Цин-цзээр спокойно выводи Лэ-гэра! Нельзя задерживать счастливый час.

Едва Чжоу Цинцин услышала, что можно пропустить счастливый час, она поспешно вытерла слёзы в уголках глаз, повернулась и пошла выводить Чжоу Сяолэ. Даже если он выйдет замуж, они всё равно будут в одной деревне. Когда захочется увидеться, достаточно будет сходить в дом Сюй Гуаня как к родственникам, и это почти ничем не будет отличаться от прежнего.

Фулан мог накрывать голову покрывалом, а мог и не накрывать. В этот момент Чжоу Сяолэ покрывала не надел: на голове у него была только повязана красная лента, в волосах красовалась заколка с волнами, а длинные волосы свободно спадали за спину.

Сюй Гуань впервые видел Чжоу Сяолэ в длинном халате, да ещё в сочетании с его красивым, мужественным лицом. Его слегка сжатые губы чуть приоткрылись, взгляд неподвижно смотрел на приближавшегося Чжоу Сяолэ. Только когда он коснулся насмешливого взгляда Чжоу Сяолэ, Сюй Гуань словно очнулся. Но, вопреки ожиданию, он не отвёл глаз и всё так же смотрел на Чжоу Сяолэ. Уголки его губ слегка приподнялись, и он прямо-таки выглядел прекрасным благородным господином.

Теперь покраснел уже Чжоу Сяолэ.

Путь встречи невесты был прямым, без обхода всей деревни. Во-первых, Чжоу Сяолэ этого не хотел; во-вторых, стоило Чжоу Сяолэ сказать, что он не хочет, как Сюй Гуань согласился. Поэтому, забрав человека и посадив его на лошадь, Сюй Гуань взял повод и под звуки гонгов, барабанов и треск хлопущек повёл его домой.

О свадьбе Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня знала вся деревня. Те, кто был с ними близок, пошли на пир, а те, кто не был близок, не стали нагло тащиться за бесплатной едой.

Впрочем, не есть - не беда, зато отпустить пару колких слов всё равно было приятно. Одна тётка, возвращаясь после того, как сходила посмотреть на веселье, как раз встретила Ван Гуйчжэнь и поспешила подойти поболтать:

— Тётушка Ван, твой племянник сегодня женится, отчего же ты не идёшь на пир? Пусть семья и разделилась, кровь-то не поделишь.

Ван Гуйчжэнь, конечно, знала день свадьбы Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня, но семья была разделена, и её никто не приглашал. На душе у неё было неприятно, но лицо терять было нельзя. Она сказала:

— Кто сказал, что не пригласили? Я как раз собираюсь идти. Тётушка верно говорит: семья разделилась, а кровь не поделишь!

— Так иди скорее! Посмотри на время, уже вот-вот начнут пир, а ты всё ещё не пошла? Какая редкость!

Та тётка в этот момент даже места для отступления ей не оставила: упрямо наседала на неё, сказала своё и не ушла. Она явно стояла и ждала, чтобы посмеяться над ней.

Ван Гуйчжэнь поняла, что у той тётки на уме, и в душе у неё сразу вспыхнул гнев. Она уже собиралась огрызнуться в ответ, когда из дома раздался оклик Чжоу Дэжуна и как раз дал ей повод.

— Слышишь? Это мой зовёт меня обратно. Потом вместе пойдём! — сказав это, она задрала голову и вошла во двор.

Едва Ван Гуйчжэнь вошла, как увидела Чжоу Дэжуна, сидевшего под карнизом на ступеньке. Он курил трубку и сказал:

— Иди к Сюй Гуаню на пир.

— Что? Правда идти? — Ван Гуйчжэнь не ожидала, что Чжоу Дэжун действительно велит ей идти на застолье.

— Иди, — лицо Чжоу Дэжуна скрывалось за дымом, выражение то проявлялось, то снова тонуло в мутной пелене.

Он сказал:

— Почему не идти? Раз есть пир, иди ешь. — Дым медленно вышел из его рта, и он добавил: — Возьми с собой Эр Юна.

— Мне с Эр Юном идти? А ты не пойдёшь? — И ещё зачем брать Эр Юна? Этого сына она всегда недолюбливала, даже хотела бы запихнуть его обратно в живот, будто никогда не рожала.

Раз уж есть застолье, как бы там ни было, до этого сына очередь никак не должна была доходить.

Чжоу Дэжун сказал:

— У Эр Юна неплохие отношения с Чжоу Сяолэ. Если он пойдёт, Чжоу Сяолэ наверняка примет его во внимание. На их пиру непременно будет чанфэнь. Иди и посмотри, как этот чанфэнь делают.

— Как чанфэнь делают, Сяодун ведь уже давно видел на восточной улице городка? Там вроде ничего сложного.

— Сказал иди - значит, иди. К чему столько лишних слов? — Чжоу Дэжун не хотел объяснять. Видя, что Ван Гуйчжэнь ещё собирается спрашивать, он грубо её оборвал.

Когда Чжоу Дэжун сердился, Ван Гуйчжэнь тоже не смела расспрашивать. Она поспешно кивнула и сказала:

— Знаю, знаю. Я сначала схожу в поле, позову Эр Юна обратно.

— Что случилось? — Ван Гуйчжэнь ещё не успела уйти, как Чжоу Юн как раз вернулся и услышал вторую половину фразы.

Чжоу Дэжун сказал:

— Иди с матерью к Лэ-гэру на пир.

— Лэ-гэр нас позвал? — Чжоу Юн обрадовался и сразу спросил.

Если бы сказать, что не звал, с упрямым нравом Чжоу Юна он точно не пошёл бы послушно.

Чжоу Дэжун сказал:

— Да. Лэ-гэр обижен на меня, поэтому позвал только тебя. Боялся, что тебе будет неловко, вот и велел твоей матери тоже пойти.

— Вот именно. Ты прежде хорошо относился к Лэ-гэру, он это помнит. Даже на свадьбу специально тебя позвал. Пойдём скорее, по времени пир уже вот-вот начнётся, не опоздать бы.

Ван Гуйчжэнь получила взгляд-подсказку от Чжоу Дэжуна и тоже поддакнула сбоку. Чжоу Юн не заподозрил обмана, вернулся в дом, переоделся в чистую одежду и вместе с матерью пошёл к дому Сюй Гуаня. Когда они выходили, у ворот их двора всё ещё стояла и прохаживалась та самая тётка. Увидев, что они и правда направились к дому Сюй Гуаня, она только скривила губы и пошла домой.

Во дворе Сюй Гуаня было особенно оживлённо. На воротах наклеили красные свадебные вырезки, даже на лошади были повязаны красные шёлковые ленты, а из двора доносились возгласы свадебного поклона. Ещё не подойдя близко, уже можно было понять: в этом доме празднуют радостное событие.

Когда Чжоу Юн и Ван Гуйчжэнь подошли, они как раз услышали фразу: «Обряд завершён». По одному только звуку Чжоу Юн понял, что пропустил самый важный поклон. Он думал лишь о том, как жаль, что пропустил церемонию, и не заметил, что выражение лица его матери было явно не таким, как обычно. Он ускорил шаг, обогнул стену-экран и первым вошёл во двор. Люди во дворе, увидев его, ещё не успели отреагировать. Но стоило показаться Ван Гуйчжэнь, как только что оживлённая атмосфера вдруг стихла. Даже человек, который нёс блюдо к столу, забыл его поставить.

Семья Ван Гуйчжэнь уже разделилась с Чжоу Сяолэ, а после той сцены в родовом храме близкие люди знали, что между двумя семьями есть трещина. Поэтому в такой хороший день Чжоу Сяолэ никак не мог позвать их на пир. Увидев появившихся Ван Гуйчжэнь и Чжоу Юна, все не знали, как реагировать.

После завершения свадебных поклонов, по обряду, Чжоу Сяолэ должны были проводить в брачные покои. Однако правила для фулана были не такими строгими: если фулан был робким и боялся чужих, он мог выбрать пойти в новую комнату и ждать там; если же был смелым и открытым, мог вместе со всеми поднимать чарки и есть за столом - в этом не было жёстких ограничений.

Чжоу Сяолэ изначально не был застенчивым человеком, а люди, пришедшие на пир, были близкими. Стыдиться было особенно нечего. К тому же он уже страшно проголодался и давно с жадностью поглядывал на груду добытой в горах дичи на столах.

Едва обряд закончился, он только собрался как следует наесться, но тут увидел, что Ван Гуйчжэнь, которой не следовало приходить, неожиданно явилась с таким наглым лицом.

В этой ситуации Чжоу Юн почувствовал: что-то не так. Он посмотрел на Чжоу Сяолэ. По явному удивлению на лице Чжоу Сяолэ разве можно было не понять, что тот вовсе их не звал? Значит, прежние слова отца и матери точно были обманом.

Только он не понимал, зачем им было его обманывать. Неужели ради одной этой свадебной трапезы? Если ради еды, почему тогда Чжоу Дэжун сам не пришёл? А с жадным до еды нравом Чжоу Сяодуна как он мог не прийти?

Изначально Чжоу Юн вовсе не считал чем-то особенным, что Чжоу Сяолэ не позвал его на свадьбу. Семья ведь уже разделилась, не позвать было вполне естественно. Если бы Чжоу Сяолэ, помня прежние чувства, позвал его, тоже было бы неудобно звать только его одного. Поэтому на свадьбу Чжоу Сяолэ он лишь молча благословил его в сердце, надеясь, что в будущем его дни будут мирными и гладкими. А позовут его на пир или нет - это было неважно. Кто же знал, что отец вдруг скажет ему: Чжоу Сяолэ его позвал. Как тут было не обрадоваться?

Сердце радовалось, и он не подумал глубже. Иначе как мог бы он поверить таким полным дыр словам?

Но сколько ни думай, теперь это уже не могло одолеть неловкую ситуацию, возникшую прямо

сейчас. Чжоу Юн натянул жёсткую улыбку и уже собирался заговорить, но Ван Гуйчжэнь рядом опередила его:

— Лэ-гэр женится, как же мы, старшие тётка с дядькой, можем не прийти? Пусть семья и разделилась, пусть родственниками больше не считаемся, но в костях у него всё равно течёт кровь нашей семьи Чжоу! Прежде мы ведь тоже только хотели добра Лэ-гэру, просто не думали, что Лэ-гэр будет не рад. Ай-я, не будем уже говорить о тех прежних словах. Разделим этот пир - и все те дела останутся в прошлом!

Она уже вовсе отбросила стыд: сама всё сказала и тут же направилась к ближайшему столу. Чжоу Юн поспешно схватил её. Не осмеливаясь позволить ей испортить великий радостный день Чжоу Сяолэ, Чжоу Юн опередил её и сказал:

— Лэ-гэр, Суй Гуань, поздравляю, поздравляю! Я пришёл только сказать доброе свадебное слово, вы продолжайте!

Сказав это, он потянул Ван Гуйчжэнь и развернулся, собираясь уйти.

— Подожди! — окликнул Чжоу Сяолэ.

Чжоу Юн услышал оклик, но не остановился и продолжал силой тащить Ван Гуйчжэнь наружу. Ван Гуйчжэнь, которую дёрнули так, что она споткнулась, просто села на землю всем телом и изо всех сил стала упирается, не давая Чжоу Юну уйти.

Чжоу Юн не мог её сдвинуть и в душе горько сожалел: почему он только что не проявил больше осторожности и позволил матери устроить сцену на свадебном пиру Лэ-гэра?

Ван Гуйчжэнь, сидя на земле, уже собиралась завывать и закричать. Ей было всё равно, свадебный это пир или нет: раз ей не дали добиться своего, она должна была поднять скандал.

— Я...

Но слово ещё не успело вырваться, как Чжоу Юн ладонью зажал ей рот и, стиснув зубы, сказал:

— Мама! Можно не устраивать скандал?